

МИРОВАЯ ЭКОНОМИКА

Х. Ритер, И. Цвайнерт

ГУСТАВ ШМОЛЛЕР И ГЛОБАЛИЗАЦИЯ*

Основываясь на релятивистском подходе к истории экономической мысли, в этой статье мы доказываем, что методологию, а также взгляды Густава Шмоллера на экономическую и социальную политику можно рассматривать как реакцию на вопросы, поставленные усилением интеграции Германии в мировую экономику. Мы покажем, что его комплексное, диалектическое понимание процесса глобализации оказалось весьма проницательным и не потеряло своей актуальности и сегодня. Это, безусловно, не относится к его представлениям об империализме и военно-морской политике, которые зачастую остаются за рамками современных оценок его наследия. Тем не менее мы считаем их важными для воссоздания целостной картины взглядов Шмоллера на глобализацию.

1. Введение

Нет сомнений, что за поразительным успехом концепции глобализации стоит «нечто большее, чем симптом коллективного заблуждения» (Osterhammel, Petersson, 2003, p. 7). Однако постоянство, с которым некоторые ученые, не говоря о журналистах и политиках, называют глобализацию новым и уникальным социальным феноменом, указывает не только на отсутствие исторического сознания. Как мы докажем в дальнейшем, это еще

* *Rieter H., Zweynert J.* Gustav Schmoller and Globalization // *Schmollers Jahrbuch*. 2006. N 126. P. 225–250.

Хайнц РИТЕР — профессор Института экономических систем, экономической истории и истории экономической мысли Гамбургского университета. Основные сферы научных исследований — денежная теория и история экономической мысли. Является одним из редакторов серии «Contributions to the History of German Economic Thought».

Иоахим ЦВАЙНЕРТ — доцент, науч. сотр. Гамбургского института мировой экономики, лектор экономического факультета Университета г. Гамбурга. В 1996 г. окончил Университет г. Гамбурга, в 1996–1999 гг. работал в Санкт-Петербурге над диссертацией по истории экономической мысли России XIX–XX вв. и институциональной экономической теории.

© Х. Ритер, И. Цвайнерт, 2006; 2007

© Д. Е. Расков, А. М. Раскова, перевод с англ., 2007

и вследствие методологической традиции социальных наук строить теории человеческого общества с точки зрения нации-государства. Многие экономисты-историки сходятся во мнении, что эра классического золотого стандарта была периодом стремительной глобализации, а также в том, что в преддверии Первой мировой войны уровень экономической интеграции, возможно, был даже выше, чем сегодня¹. Некоторые скептики² считают интернационализацию и региональную фрагментацию взаимосвязанными процессами (Clark, 1997). Согласно их точке зрения, мы являемся свидетелями не только глобализации, но и возникновения крупных торговых блоков и союзов государств, которые, с одной стороны, поддерживают внутреннюю интеграцию бывших отдельных национальных государств, но, с другой стороны, отгораживаются от внешнего влияния (Hettne, 2003, p. 367). Другие авторы доказывают, что интеграция и изоляция часто не только наблюдаются одновременно, но и, как показывает история, постоянно следовали одна за другой. Согласно последним авторам, послевоенное, «кейнсианское» государство благосостояния — лучший пример этого: единое мнение относительно того, что национальные государства должны иметь возможность проводить относительно автаркическую экономическую политику, базировалось на убеждении в том, что нерегулируемая экономика стала одной из главных причин двух мировых войн. В этом смысле, утверждают они, относительная «деглобализация», возникшая после 1945 г., может рассматриваться как реакция на предшествующий процесс глобализации. Поскольку все прошлые движения в сторону глобализации рано или поздно замедлялись и часто (если не постоянно) сменялись периодами «деглобализации», они полагают, что вопрос о том, станет ли XXI в. в самом деле веком глобализации или мы просто пройдем сквозь эти более менее короткие периоды интернационализации, которые рано или поздно сменятся «регрессивным» движением, остается открытым (Borchardt, 2001, p. 20–21).

Независимо от довольно спекулятивного вопроса о том, действительно ли мы уже стоим на пороге второй стадии знаменитого «двойного движения» Карла Поланьи (Hettne, 2003, p. 368)³, если история глобализации — это история сменяющих друг друга периодов интернационализации и регионализации (точка зрения, которую мы разделяем), то для того, чтобы понять весь процесс целиком, «деглобализация» заслуживает не меньшего внимания, чем глобализация (Borchardt, 2001, p. 4). Густав Шмоллер, глава младоисторической школы (Rieter, 2002, p. 145), был ключевой фигурой в немецкой экономической науке с 1870-х годов до самой смерти в 1917 г. В отличие от длительного периода свободной торговли (продолжавшегося примерно с 1840 до 1880 г.), последние три декады перед началом Первой мировой войны были отмечены протекционизмом, колонизацией и напряжением в международной политике. В то же время процесс международной экономической интеграции продолжался, приблизившись в 1910-е годы к уровню, который был повторно достигнут только в конце XX в.

В этой статье мы хотим показать, что одной из приемлемых интерпретаций экономических взглядов Густава Шмоллера является попытка рассмотреть их как реакцию на вызовы глобализации⁴. Как мы покажем, базовое методологическое предположение Шмоллера о том, что экономические отношения не должны рассматриваться в отрыве от политического, социального и культурного контекстов, стало по существу ответом на процессы дифференциации, вызванные возрастающим вовлечением германской экономики в то, что в немецкой терминологии того времени называлось *Weltwirtschaft* («мировая экономика»)⁵. В первую очередь Шмоллера беспокоило то, что слишком быстрая трансформация общественных отношений подвергнет опасности существование социального единства. Это основная причина, в соответствии с которой он направил свое

внимание преимущественно на взаимодействие государства и экономики и требовал приоритета национальных интересов страны над отношениями с мировым сообществом. Однако будет несправедливым представить Шмоллера противником глобализации. Напротив, для него загадкой всей социальной науки, которой надо дать объяснение, стала проблема обобществления (*Vergesellschaftung*)⁶, т. е. вопрос о том, как «из бедных, диких, изолированных человеческих племен, в конце концов, появились народы, которые теперь охватили торговлей весь земной шар» (Schmoller [1900/1904], 1919, vol. 2, p. 748). Понятия «прогресс» и «*Vergesellschaftung*» были для него тождественными, и, следовательно, он измерял прогресс степенью обобществления.

Как мы покажем в дальнейшем, эти два утверждения Шмоллера служат основой как для теоретической оценки процесса глобализации, так и для формирования взглядов на торговую политику, проблему флота и колониализм. Не пытаясь предвосхитить результат данного исследования, заметим, что наше отношение к младоисторической школе в целом и Густаву Шмоллеру в частности остается в общем критическим⁷. Однако мы полагаем, что более широкий взгляд на экономические взаимодействия позволил ему увидеть и проанализировать проблемы, вызванные глобализацией, которые современный экономический мейнстрим с его «узким кругозором» (*tunnel vision*), ориентированным на количественные параметры, зачастую не в состоянии увидеть⁸. Основная часть статьи будет структурирована следующим образом: во втором разделе мы кратко изложим исторический контекст, в котором немецкие экономисты XIX в. «открыли» нацию. В третьем разделе мы в деталях покажем, в какой степени можно воспринимать методологию Шмоллера как реакцию на проблемы современного этапа глобализации. Четвертый раздел посвящен его взглядам на тарифную и торговую политику, а пятый содержит положения относительно военно-морской и колониальной политики. В заключение мы подытожим выводы из трудов Шмоллера, которые были бы полезны для понимания современных процессов глобализации.

2. Глобализация и трансформация немецкой экономики

Начиная приблизительно с середины XIX в. эволюция немецкой экономики являет собой поразительный пример тесной связи между вовлечением в международные экономические отношения и быстрым институциональным изменением на национальном уровне. Несомненно, Шмоллер имел в виду прежде всего Германию, когда описывал «общий эффект» возрастающего объема торговли между 1840 и 1880 гг., приведший к тому, что

«местное разделение труда, ранее ограниченное узкими рамками, определенными территориями, а также определенными товарами, теперь принимает совершенно другие масштабы: крупная промышленность, общественный транспорт, конкуренция, гораздо стремительнее возрастающая, чем в предыдущие периоды... Экономические портреты регионов, областей, государств стали разнообразнее. Возникли новые индустриальные державы, которые импортировали уже не просто малую долю, а 30 или даже 70% продуктов питания извне, и аграрные государства, которые экспортировали огромную долю своего урожая...» (Schmoller [1900/1904]), 1919, vol. 2, p. 712–713)⁹.

Не только структурная трансформация страны, тесно связанная с вхождением в мировую экономику, но и первая общемировая депрессия 1873–1874 гг. сделали очевидной для современников (Abelshauser, 2001, p. 511) зависимость Германии от международных деловых циклов. Таким образом, если определять глобализацию как «расширение социальной, политической и экономической активности за внешние пределы, так что

события, решения и деятельность, совершающиеся в одном регионе мира, могут оказаться значимыми для индивидов и сообществ в удаленных областях земного шара» (Hettne et al., 1999, p. 15), то не возникает сомнения, что Германия уже в последней трети XIX в. стала частью глобальной экономической системы.

И в самом деле, еще в 1908 г. немецкий экономист Паул Арендт охарактеризовал мировую экономику как «сеть, нити которой...опутывают всю Землю», так что развитие «современных индустриальных государств и государств с развитой торговлей... может быть понято и оценено только с точки зрения мировой экономики». Если и есть принципиальная разница между «тогда» и «сейчас», то она состоит в том, что «тогда» «рынки занимали главенствующее положение и правительства имели ограниченное влияние на экономические отношения» (Gilpin, 2003, p. 350). С нашей точки зрения, является сомнительным, соответствовал ли в действительности период между 1870 и 1913 гг. представлениям Маркса и Энгельса, изложенным в «Манифесте Коммунистической партии» (Scharpf, 2003, p. 373). Однако не возникает сомнений, что отсутствие институтов, которые могли бы «абсорбировать» социальные последствия быстрых структурных изменений, стало причиной серьезных социальных проблем¹⁰.

Тогда и теперь рассуждения о том, что сегодня мы называем глобализацией, затрагивали и затрагивают не столько международную торговую политику, сколько долгосрочные структурные и социальные изменения на национальном или региональном уровне (Spree, 2003, p. 39). Экономическая депрессия 1873–1874 гг. стала особенно драматичным периодом для Германии, поскольку страна столкнулась с ней в переходный период, когда была уже дестабилизирована быстрыми институциональными изменениями в экономике и культуре. Именно в 1874 г. Шмоллер констатировал:

«...сейчас мы переживаем времена хаоса, перехода к новому состоянию; все старые формы экономической жизни были разрушены, свершилась экономическая революция, примера которой история еще не знала. Встал вопрос о систематизации и упорядочении свободных элементов в новую, прочную конструкцию; если мы не решим его, то в скором времени окажемся в плачевном состоянии» (Schmoller [1874], 1998, p. 89).

Если глобализация — это не новый феномен, то то же самое относится и к «глокализации». Не случайно и то, что Фридрих Лист разработал «Национальную систему политической экономии» как ответ на то, что он считал последствиями роста международной торговли между странами с различным уровнем развития, и то, что Г. Шмоллер разработал свою концепцию национального государства как государства благосостояния¹¹ во время беспрецедентной международной экономической интеграции¹².

Г. Шмоллер никогда, особенно в сравнении со своими многочисленными немецкими коллегами того времени, не был мыслителем-романтиком. Он, бесспорно, приветствовал экономический и технический прогресс, вызванный индустриализацией. Но его волновало и то, что стремительное развитие рыночных отношений, не исключающее возможности резких кризисов, подорвет социальное единство нации. По его мнению, эта проблема стала основной для дальнейшего развития страны, включая ее дальнейшую интеграцию в мировую экономику, но решена она могла быть не экономическими, а только политическими средствами. Шмоллер полагал, что мейнстрим экономической мысли 1870-х годов не может способствовать разрешению этой проблемы. Сосредоточившись на причинно-следственных связях *внутри* экономической системы, приверженцы таких теорий рассматривали государство, если вообще брали его в расчет, как фактор, который нарушает экономический механизм. Для Шмоллера, напротив, основным для всей социальной науки стал вопрос о взаимодействии *между* различными подсистемами

общества, поскольку он сравнительно мало интересовался проблемой ценообразования и другими подобными темами (Schefold, 1989, p. 80).

Подводя итог, мы можем сказать, что методологический сдвиг в немецкой экономической теории, отмеченный работами Ф. Листа и трудами старой исторической школы, не случайно произошел в середине XIX в. Это было время, когда Германия начала одновременно и интегрироваться в международную экономику, и перерождаться в страну с развитой промышленностью. Открытие немецкими экономистами нации — это классический пример диалектики глобализации и фрагментации. Дезинтегрирующий эффект, который оказало на Германию включение в мировую экономику, обратил внимание немецких интеллектуалов на вопрос о том, как справиться с этими последствиями на местном (= национальном) уровне. Как мы покажем в следующем разделе, методология Шмоллера была нацелена на поиск инструментов для анализа этого основного вопроса.

3. Методология Шмоллера и глобализация

Некоторые из современных ученых, исследующих общество, недоумевают, почему в условиях растущей интеграции «невозможно понять природу и возможность политического объединения, обращаясь исключительно к национальным структурам» (Held et al., 1999, p. 30)¹³. Для экономиста это утверждение кажется довольно странным. Начиная, по крайней мере, со времен Давида Рикардо, экономисты осознавали влияние международного разделения труда на региональную экономическую структуру. Тот факт, что традиционно экономическая теория больше других социальных наук тяготела к универсализму, объясним, во-первых, тем, что сама эта теория появилась в XVIII в. Социология как отдельная дисциплина возникла только в XIX в., т. е. в эпоху национальных государств. Во-вторых, «разделение труда» между экономистами и другими учеными-обществоведами означало, что последние главным образом теоретически осмысливали общество с точки зрения национального государства. Экономисты же в значительной степени обходили вниманием такой угол зрения. Разделение между экономической теорией и другими социальными науками оказалось особенно четким в период между Второй мировой войной и концом 1980-х годов¹⁴. С нашей точки зрения, это строгое разделение было возможно только во времена существования «железного занавеса», который сдерживал мировое развитие, и благодаря политическому соперничеству систем сохранял единодушие западного мира относительно того, что социальные последствия рыночной экономики должны смягчаться преимуществами государства благосостояния. Как следствие, отношения между обществом и экономикой оставались стабильными на протяжении десятилетий. Таким образом, проблемы взаимодействия и возможных напряжений между ними не представляли особого научного интереса.

В период стремительного экономического развития, которое почти всегда идет рука об руку с территориальным расширением рынков, приемлемость такого разделения труда стало проблематичным. Поскольку политические институты, способные справляться с внешними эффектами, порожденными экономической системой, обычно адаптируются с некоторым опозданием, возникает впечатление, что соотношение сил между рынками и государством изменяется в пользу первого (см. подробнее: Strange, 1996). Эта проблема, имеющая отношение к взаимодействию экономической системы с другими системами общества, была актуальна во времена Густава Шмоллера так же, как и сегодня. Поскольку разделения между экономической теорией и другими социальными науками, в особенности социологией, в его время еще не произошло, Шмоллер, если так можно выразиться, вел возможный спор между двумя дисциплинарными подходами

«внутри себя». С нашей точки зрения, ключом к пониманию его взглядов на глобализацию является то, что он видел два различных, даже противоположных, источника, объединяющих общество. С одной стороны, его мысль была крепко укоренена в традициях классического либерализма. Следовательно, он знал о цивилизационной функции рыночной экономики, которая

«усиливается вместе с разделением труда, растущей торговлей; соединяет тысячи и миллионы там, где натуральная экономика соединяла несколько, десятки, в лучшем случае сотни; но она оставляет объединенных индивидов более свободными, она довольствуется денежной платой, которая основана на ценностях, ценах, часто на свободных краткосрочных контрактах. Даже там, где рыночная экономика попадает под влияние государственного управления и принуждения, давление это много меньше» (Schmoller [1900/1904], 1919, vol. 2, p. 100).

Однако, с другой стороны, он утверждал, что «отмирание старых, прочных традиций иногда сопровождается расцветом высокой морали, но намного чаще растущим эгоизмом, потворством своим слабостям, неспособностью к жертве, недалекой близорукостью» (Schmoller [1864/65], 1888, p. 62). Этим дестабилизирующим последствием рынка должен противостоять второй источник единения — всеобщий дух народа (*Volksgeist*), который Шмоллер не очень точно охарактеризовал следующим образом:

«Так же как раньше, сильная внутренняя духовная общность существовала только среди членов одной семьи, сообществ или племен, сегодня такая общность возникла между гражданами одной нации. Единство общих настроений воодушевляет нацию, единство общих идей выходит за рамки национального сознания и порождает то, что мы называем всеобщим национальным духом» (Schmoller [1911], 1998, p. 220).

Для Шмоллера (Schmoller [1900/1904], 1919, vol. 1, p. 5) стабильная национальная экономика может существовать только там, где оба источника объединения уравновешивают друг друга, т. е. где люди связаны вместе как «единой системой торговли и интенсивного обмена», так и «общим языком... общими настроениями и идеями, моралью и законами». Поскольку, согласно Шмоллеру, эти два фактора вызывают и усиливают друг друга (Ibid., p. 6, см. также: Schmoller [1911], 1998, p. 222), он снова и снова критиковал нереалистичную «иллюзию, которая представляет экономику саму по себе вне и отдельно от какого-либо государства и какого-либо государственного вмешательства» и резко полемизировал с коллегами, которые «лихорадочно пытаются очертить научные границы и никогда не “стрелять зайцев на чужом поле”, которое они либо не знают, либо не желают узнать» (Schmoller [1900/1904], 1920, vol. 1, p. 112)¹⁵. Для него не могло быть сомнений в том, что его время отмечено недостатком нравственности:

«Каждый великий экономический прорыв, который наполняет нацию прежде невообразимым богатством, приводит в движение всю культуру (*Gesittung*), меняя, как правило, все существовавшие ранее традиции торговли, обмена товарами, социальных взаимодействий. Старые нравственные обязательства и понятия разрушаются; равновесие нравственных сил восстанавливается не сразу» (Schmoller [1874], 1998, p. 79).

Как показала история, «только моральные силы, а не главенство эгоизма, в состоянии преодолеть такой кризис» (Schmoller [1874], 1998, p. 80). Шмоллер утверждал, что «за эпохой индивидуализма должна теперь последовать эпоха *социализма* в истинном смысле слова, время реформ, социального законодательства, концентрации сил...» (Schmoller [1881], 1998, p. 112). Однако, оценивая подобные утверждения, надо помнить, что релятивизм — это один из столпов историзма (не только экономического) (Rieter, 2002, p. 132). Утверждение Шмоллера относится к определенному времени и конкретной стране. Если у него, в самом деле, было что-то похожее на общую теорию, то это была

теория экономической и социальной эволюции. А значит, в поисках общих утверждений, касающихся отношений между рынком и духом народа (*Volksggeist*), нам надо обратиться к его взглядам на развитие. В своей диссертации «Теория развития в исторической политической экономии Кайзеровской империи» (*Entwicklungstheorien in der historischen Nationalökonomie des Kaiserreichs*) Томас Дьюэ (Thomas Düe) провел убедительный анализ взаимосвязей между «психологическими и материальными основаниями» в теории прогресса Шмоллера. В частности, Дьюэ более отчетливо, чем другие авторы, показал, что для Шмоллера экономическое развитие — это главным образом процесс социальной дифференциации. Дьюэ следующим образом излагает основную проблему, поднятую Шмоллером (Düe, 2001, p. 95):

«В примитивных социальных сообществах существует естественная социальная гомогенность, которая отражается в эмоциональной основе, базирующейся на родственных чувствах. С экономическим и культурным прогрессом эта однородность исчезает, и психологическая основа теряет соответствующую способность обеспечивать единство общества».

Это, действительно, ключ к пониманию шмоллеровской оценки развития. «Базовые» психологические мотивы, фундаментальные для рыночного механизма, важны для экономического и технического развития, но они также приводят к социальной дифференциации, которая подрывает нравственные основания общества и, таким образом, ставят под удар целостность «социального тела». Вследствие этого любое развитие рыночных сил требует дополнительного усиления нравственных обязательств, которые, по крайней мере частично, восстанавливают однородность общества и, таким образом, формируют основания для продолжения процесса дифференциации¹⁶. Другими словами, спонтанная дифференциация и сознательная реинтеграция являются для Шмоллера диалектически взаимосвязанными процессами. С нашей точки зрения, без преувеличения можно сказать, что у Шмоллера есть, хотя скорее скрытая, чем явная, формулировка «двойного движения», которое теперь ассоциируется с именем Карла Поляни.

Для Шмоллера диалектика фрагментации и дифференциации неразрывно связана с экономическим и социальным прогрессом. Как мы уже отметили, прогресс для него — это не что иное, как обобществление (*Vergesellschaftung*), которое он измеряет возрастающими размерами социальных сообществ, от «аграрной самодостаточной экономики и племенных сообществ» к стадиям «городской экономики и городских экономических регионов», «государствам средних размеров» и затем к «формированию больших национальных государств и экономик» и, наконец, к «мировым государствам и продвижению всемирных экономических отношений». Здесь Шмоллера в меньшей степени интересует размер территорий общественных объединений. Он, скорее, измерял «прогресс» количеством людей, интегрированных в каждое социальное образование. Согласно его вычислениям, в примитивные племена входило от 1000 до 25 000 человек, в то время как современные мировые империи доходят до 400 миллионов (Schmoller [1900/1904], 1919, vol. 2, p. 764–765)¹⁷.

Рыночные отношения — не только движущая сила экономического и технического развития. Они также приводят к возникновению связей между людьми, принадлежащими разным и до времени изолированным сообществам. Эти контакты формируют основу для возникновения новых нравственных обязательств, так что малые общественные образования, вступая во взаимодействия, становятся частью большого сообщества. Согласно Шмоллеру, это развитие происходит не непрерывно, а, напротив, поэтапно. Именно здесь и заключена связь между двумя элементами его теории социальной эволюции: достижение обществом нового этапа обобществления должно сопровождаться

процессом интеграции. Только там, где последнее завершено, общество может перейти на следующий цикл процесса обобществления без того, чтобы его существование было поставлено под угрозу дезинтегрирующего воздействия этого обобществления.

Нижеследующая цитата ясно показывает, что Шмоллер основной задачей своего времени считал интеграцию общества на этапе становления национальной экономики, которого Германия достигла только с объединением в 1871 г.:

«Современные средства торговли связали отдельные экономические единицы внутри государства, так же как до этого были экономически связаны только соседи. Несмотря на то, что аналогичные взаимоотношения уже проникли за пределы отдельных стран и образовали мировую экономику, они все еще слабее, чем связи, существующие внутри; экономики отдельных государств сохраняют свое значение по сей день; будет ли впоследствии это место занято мировой экономикой, все еще не ясно; возможно, тогда изменится и лингвистическое словоупотребление» (Schmoller [1911], 1998, p. 220–221).

В то же самое время он сам отмечает историческую относительность этого утверждения. Поэтому не удивительно, что Шмоллеру удается обойтись без понятия нации, когда он объясняет главную идею своей теории развития, или, если быть более точными, теории обобществления:

«Я имею в виду связь между экономической жизнью и основными контролирующими аппаратами общественной и политической жизни, зависимость главных экономических институтов любого времени от сущности *политического организма или организмов, наиболее значимых для этого времени*» (Schmoller, 1897a, p. 2; курсив наш. — Х. Р., И. Ц.).

4. Взгляды Шмоллера на международную торговую политику

Как утверждает в своей программной статье Рейнхард Спрэ (Spree, 2003), не только глобализация сама по себе имеет гораздо более длинную историю, чем нас пытаются убедить «гиперглобалисты», но и сама дискуссия вокруг этого вопроса уже возникала в прошлом. С нашей точки зрения, основная причина того, почему эти дебаты достигли особой интенсивности именно в XIX в., состоит в том, что Пруссия (Германия) пережила этап «догоняющего развития», который начался с так называемых Стейн-Гарденбергских реформ (*Stein-Hardenbergschen Reformen*) в 1806 г. (см. подробнее: Hubatsch, 1977). Для «догоняющего развития» типична ситуация, когда относительно отсталая нация заимствует институты и технологии у более развитых стран. Это вызывает модернизационный шок: главенствующая идеология все еще остается сформированной феодализмом, и поскольку «мыслительные конструкции» (*shared mental models*)¹⁸ всегда приспосабливаются к изменениям внешнего мира с некоторым опозданием, возникает конфликт между идеями и реальностью, который выражается в романтическом протесте против экономической модернизации¹⁹.

Чем немецкий антикапитализм был и чем частично он остается, наиболее четко представлено в работе Адама Мюллера²⁰, которого можно рассматривать как «патриарха» немецкого антикапитализма. Идею Просвещения о том, «что большее единство и порядок буржуазного мира может быть достигнут только большим его разделением» (Müller [1809], 1922, vol. 1, p. 58–59), он считал глубоко ошибочной и противопоставлял ей идею «союза всех политических отношений нации, духовных и физических, юридических и экономических, в единой одухотворенной воле ...» (Ibid., p. 114). Прославление патриархального прошлого страны, будто бы отмеченного «единением» общества, красной нитью тянется через всю немецкую антикапиталистическую мысль и получает второе дыхание в дискуссии аграрников и промышленников (*Agrar-versus Industriestaat*) в конце XIX в.²¹

На первый взгляд эта полемика в большей степени касалась практических вопросов, нежели социальных идей. Она началась после заключения торгового соглашения с Австро-Венгрией в 1891 г., но по-настоящему разгорелась только шесть лет спустя, после дискуссии между Карлом Ольденбергом (Oldenberg, 1897) и Максом Вебером (Weber, 1897) на восьмом Евангелическо-социальном конгрессе (*Evangelisch-Sozialer Kongreß*)²². Основные позиции могут быть кратко сведены к следующему: те, кто был не согласен с перспективой превращения Германии в индустриальную державу, опасались, что это приведет к ее губительной зависимости от других стран, которая смогла бы нанести ущерб суверенитету нации. Поэтому они требовали высоких тарифов на зерновые, для того чтобы защитить своих фермеров от иностранной конкуренции. Их оппоненты не отрицали этой проблемы, но утверждали, что такова была цена экономической модернизации, опасности которой не должны преувеличиваться. Тем не менее разногласие только в этом вопросе, конечно, не могло бы привести к яростным дискуссиям, которые продолжались еще несколько лет.

Любой полемике о глобализации присущ «страх, что индивидуально и коллективно мы теряем контроль над силами, которые определяют нашу жизнь» (Sandel, 1996, p. 3). Для населения страны, которая еще недавно оставалась в стороне от международной торговли и движения капитала, ситуация, в которой «все экономическое производство, его направление развития, успех или, по крайней мере, достаточно существенная часть всего этого, все более зависит от торговой политики и от внешней политики в целом» (Schmoller [1900/1904], 1919, vol. 2, p. 735) была, в самом деле, пугающей²³. В ходе дискуссии о глобализации, главными участниками которой стали Луйо Brentано (Brentano, 1901) — сторонник индустриализации и Адольф Вагнер (Wagner, 1901) — его наиболее известный оппонент, и эта ситуация оказалась типичной для всех дискуссий о глобализации — полемика велась вокруг вопроса о внутренних структурных изменениях, вызванных интернационализацией экономических отношений, а не вокруг проблем мировой экономики как таковой. Более того, при ближайшем рассмотрении оказывается, что основные представители концепции аграрного развития были озабочены не только усилением зависимости Германии от других стран. Скорее, их точка зрения отражала глубокое недоверие к самому процессу экономической модернизации. Это справедливо не только для Ольденберга, который в своей вышеупомянутой речи 1897 г. осудил «слепое поклонение прогрессу» и «преобладающие идиотические настроения в отношении денежной экономики» (Oldenberg, 1897, p. 73, 75). Как подчеркнул Кеннет Д. Баркин, Вагнер также «никогда не мог освободиться от искаженных романтических представлений о единой доиндустриальной Германии, в которой отсутствовали разногласия»²⁴ (Barkin, 1970, p. 145). Как справедливо заметил Карстен Каспрцок, не в последнюю очередь конфликт «возник из различия в представлениях о взаимоотношениях индивида и общества» (Kasprzok, 2005, p. 380). Как кратко сформулировал это Ольденберг, «с одной стороны, — индустриализация и радикальный индивидуализм, с другой — сельская культура и признание иерархии» (Oldenberg, 1897, p. 41).

Дискуссия аграрников и промышленников — это была одна — если не самая главная — из политических проблем, которые обсуждались в немецкой экономической науке на рубеже XIX и XX вв. Не только ежегодное заседание «Союза социальной политики» (*Verein für Socialpolitik*) в 1901 г. было частично посвящено этой проблеме²⁵, все основные экономические работы справочного характера того времени содержали соответствующие статьи²⁶. В свете этого поразительно, что Шмоллер, редко упускавший возможность высказать свою точку зрения по злободневным вопросам, хранил

относительное молчание по поводу этой полемики. Кроме довольно коротких и слабых замечаний на указанной конференции 1901 г. (Schmoller, 1901a), единственным развернутым изложением его видения стала рецензия на книгу Луйо Brentано «Ужасы преобладающего индустриального государства» (Brentano, 1901) и другие работы этого автора по данной теме, в которых Шмоллер следующим образом резюмировал свою позицию:

«Это не подходящее место для рецензента подробно излагать свои взгляды на все важные вопросы, затронутые в работе. Я всего лишь хотел бы отметить, что я отчасти согласен с Вагнером в его желании сохранить сельское хозяйство Германии и сделать его максимально сильным и мощным, хотя я очень сомневаюсь в том, что столь высокие тарифы на сельскохозяйственную продукцию в настоящее время являются лучшим средством для того, чтобы этого добиться. Вместе с тем я согласен с историческим заявлением Brentано о том, что мы находимся в процессе становления все более индустриализированного государства, но я не разделяю его убеждения, что желательно, чтобы это происходило максимально быстро. Я считаю, что плавный переход при сохранении и увеличении крестьянского сословия совместим с ростом нашего населения, расцветом нашей промышленности и торговли, нашей умеренной колониальной и морской политики. Я также полагаю, что небольшое замедление этого процесса будет уместным в силу того, что, по моему мнению, исторический факт стремительного упадка и заката стольких более старых промышленных и торговых государств был связан с тем, что при слишком стремительных темпах развития не оставалось ни времени, ни возможности создавать и развивать институты, привычки и правовые основания для того, чтобы поддерживать процветание такого государства» (Schmoller, 1901b, p. 402).

В последнем предложении этой цитаты Шмоллер ясно дает понять, что его интересует не столько вопрос справедливости установления тарифов на зерновые как таковой, сколько их потенциальное влияние на плавность экономического и социального развития нации. В только что упомянутой речи он также не упускает возможности отметить, что «в добавление к торговой политике существуют другие заслуживающие внимания инструменты, которые могут быть применены на пользу фермеров...» (Schmoller, 1901a, p. 271). Наконец, в «Основах...» («*Grundriß...*») полемика упоминается только в двух местах. Закljučая свою краткую оценку проблемы, Шмоллер (Schmoller [1900/1904], 1919, vol. 2, p. 739) заявляет, что «таможенные союзы, империализм, отношения к колониям» будут «иметь большее значение для обеспечения продовольствием густонаселенных промышленных государств», чем тарифы.

На наш взгляд, значимость этих вопросов определялась для него не только практическими соображениями. Снова мы не должны забывать, что для Шмоллера основной вопрос состоял в том, «как из нищих, диких, разобщенных племен в конечном итоге возникли миллионы богатых людей, которые теперь охватили весь земной шар своей торговлей» (Schmoller [1900/1904], 1919, vol. 2, p. 748). В рамках процесса обобществления, соединяющего и интегрирующего все больше и больше людей в небывалые по размерам сообщества, эпоха, в которую жил он сам, была, как он полагал, переходной от стадии «формирования больших национальных государств и экономик» к стадии «новых мировых держав и развивающихся мировых экономических отношений» (Ibid., p. 764). На этом рубеже, уже не в первый раз в истории, возник вопрос: «До какой степени страны и регионы, которые в высокой степени зависят друг от друга экономически, могут иметь различную государственность, причем между этими государствами, возможно, не устанавливается полного согласия или даже они могут быть враждебными другу другу?» (Ibid., p. 740). Как предостерегал Шмоллер в статье, написанной в 1897 г. по случаю 25-й годовщины «Союза социальной политики»,

«в будущем нас ожидает коммерческий натиск великих мировых держав на маленькие и средние по размеру развитые страны, что, вероятно, на долгое время станет одной из наиболее жизненно важных проблем для социального будущего и ситуации с низшими слоями общества в Германии» (Schmoller, 1897b, p. 24).

Другими словами, в период, когда были образованы три мировых государства (*Weltstaaten*), а именно Великобритания, Россия и США, под угрозу было поставлено само существование меньших по размеру стран, которые не могли бы справиться с задачей достижения нового уровня обобществления. По мнению Шмоллера, эта цель могла быть достигнута двумя способами: при помощи «политического завоевания» или при помощи создания таможенных союзов. Для него решающей проблемой в отношении торговой политики, очевидно, была проблема создания Центрально-Европейского таможенного союза. В 1900 г., на самом пике разногласий между «аграриями» и «индустриализаторами», Шмоллер (Schmoller, 1900a, p. 382) выдвинул решительное требование:

«Центрально-Европейские страны должны отбросить в сторону политические и экономические факторы, которые разделяют их, в пользу тех, которые их объединяют. Коль скоро Центрально-Европейский таможенный союз может быть создан, задача нашего столетия состоит в объединении маленьких и средних по размеру Центрально-Европейских государств».

В «Основах...» (Schmoller [1900/1904], 1919, vol. 2, p. 740) он недвусмысленно сожалеет о том, что политическая агитация в пользу Центрально-Европейского таможенного союза, начиная с 1894 г., была отодвинута на второй план усилившейся агитацией в пользу протекционистских тарифов. На наш взгляд, это объясняет, почему он не принимал участия в дискуссиях, которые отвлекали внимание от задач, которые казались ему гораздо более неотложными. Во взглядах Шмоллера на торговую политику нет отпечатка романтизма. Он не сомневался в том, что Германия уже совершила переход к преимущественно индустриализованному государству. Если он доказывал необходимость снижения темпов этого развития, то делал это потому, что боялся возникновения социальных конфликтов, которые могут поставить под угрозу процесс консолидации немецкой нации²⁷. И все же, сколь актуальным для того времени ни казался бы интерес Шмоллера к Центрально-Европейскому таможенному союзу, сейчас не надо забывать, что для него «политическое завоевание» и колонизация были неотъемлемыми частями разумной национальной торговой политики.

5. Военно-морская политика и колониализм

Шмоллер (Schmoller [1900/1904], 1919, p. 735) высоко ценил достижения эры свободной торговли, которая «в огромной степени усовершенствовала международное право, насколько оно регулировало торговлю, способствовала естественному и благотворному международному разделению труда, вернув свои права первичным движущим силам экономики, определенные характерные особенности которых не могут быть изменены никакой политикой». Насколько свободная торговля должна была рассматриваться как «одно из величайших достижений человечества», настолько «тенденциозной», «преувеличенной» и «идеалистичной» оставалась идея о том, «что в целом в экономической и торговой политике силовые методы не могут использоваться», — доказывал Шмоллер (Schmoller, 1900b, p. 23) в лекции на тему «Экономическое будущее Германии и строительство флота» («Die wirtschaftliche Zukunft Deutschlands und die Flottenvorlage»)²⁸. Для него было скорее исключением, нежели правилом, что торговые партнеры обладают одинаковыми возможностями, и «в самой природе торговых отношений заключено то,

что могущественные государства дают почувствовать свою силу при каждом согласовании условий торговых договоров, а более слабые прилагают усилия для того, чтобы снизить конкуренцию со стороны сильных различными способами, например, возводя барьеры» (Schmoller [1900/1904], 1919, vol. 2, p. 656). Для Шмоллера это стало еще одним свидетельством «несостоятельности» идеи «возможности полного разделения государственной власти и чисто экономических вопросов» (Ibid., p. 694).

Как мы показали в третьем разделе, согласно Шмоллеру, диалектика развития предполагает, что прогресс инициируется основными мотивами и инстинктами. Для него, лишь незадолго до смерти узнавшего, сколь разрушительными могут быть мировые войны в XX в., классовая борьба и война были связаны между собой явлениями, необходимыми для прогресса, а следовательно, морально оправданными. И, несмотря на то, что он осознавал необходимость «существенных жертв» во имя общественного прогресса со стороны «индивидуумов и классов» (Schmoller, vol. 1, p. 395), он был убежден, что на национальном уровне мудрое правительство, находящееся выше классов, в состоянии свести социальные конфликты к терпимому уровню. На международном уровне отсутствовал не только этот институт, но и общий дух народа (*Volksgeist*), и поэтому насильственные конфликты между государствами были просто неизбежны, по крайней мере, до тех пор, пока не наступит остановка в развитии:

«Внутренний закон роста населения, промышленности, торговли не допускает состояния абсолютного мира в отношениях между государствами, приобрести это можно только вместе с застоєм и стагнацией всех государств. Нецивилизованные и получивилизованные страны, как правило, могут приоткрыться прогрессу, мирному процессу цивилизации через господство цивилизованных стран. Все малые цивилизованные государства, а впоследствии также и крупные, имеют естественное стремление к расширению собственных границ для того, чтобы получить выход к морям или крупным рекам, овладеть новыми рынками и колониями во внешнем мире. И там они всегда встречают чужаков, с которыми иногда находят общий язык, но чаще с которыми нужно будет сражаться. Экономическое развитие и экспансия государств, продвижение торговли и рост могущества, как правило, тесно взаимосвязаны даже там, где на первый взгляд решаются только вопросы власти» (Schmoller [1913], 1920, p. 115)²⁹.

Для Шмоллера военно-морская политика и колониальная экспансия³⁰ были непосредственно связаны с политическим объединением Германии и ее возвышением до уровня индустриальной державы. Вполне естественно, утверждал он, что любая группа людей, будь то племя или нация, достигшая политического единства, начинает «вести себя по отношению к другим как экономическое целое, отгораживаться от более сильных соседей, усиливать влияние на более слабых, получать от них экономическую прибыль» (Schmoller [1900/1904], 1919, vol. 2, p. 741). Германия не только достигла политического единства, но также приобрела экономическую мощь, и, таким образом, само собой разумеется, что страна более «не желала подчиняться условиям торговли, навязанным извне, как это было во времена таможенного союза» (Ibid., p. 727).

Как мы в общих чертах показали в предыдущем разделе, главным аргументом Олденберга, Вагнера и других против индустриализации был довод о том, что она ставит нацию в политическую зависимость от других стран. Шмоллер разделял эти опасения. Военно-морская политика для него была, помимо создания Центрально-Европейского таможенного союза, еще и дополнительным средством обеспечения поставки зерновых. Кроме того, необходимость в колонизации была также напрямую связана с трансформацией Германии в индустриальное государство. Шмоллер полагал маловероятным полное поглощение промышленным сектором избыточной сельскохозяйственной

рабочей силы. А значит, аграрная колонизация была важным средством ослабления социальной напряженности внутри страны. В итоге Шмоллер был убежден: насколько заслуживало осуждения грубое злоупотребление властью, настолько «допустимым, даже необходимым, благотворным, поучительным для нации при правильном понимании ее задач» было «обоснованное использование власти в сфере торговли» (Schmoller, 1900b, p. 35).

Последняя цитата ясно показывает тесную связь между торговлей и внешней политикой и сохранением национального единства. Шмоллер развил эту идею в «Основах...» (Schmoller [1900/1904], 1919, vol. 2, p. 658). «Иностранец торговец» всегда был опасен для преобладающих в обществе нравственных связей, так что некоторая дистанция по отношению к иностранцам была испытанным средством усиления социального единства. Свободная торговля между обществами с разным уровнем развития могла не только нанести экономический урон более слабой стране, но также поставить под угрозу наличие социального единства общества вплоть до того, что само существование этого общества в будущем станет вызывать сомнения. Меркантилистская торговая политика это учитывала. Обеспечивая предварительные условия для достижения «внутреннего единства и уважения извне», она также, — и здесь снова становится очевидным диалектический характер концепции развития Шмоллера, — подготовила «гомогенную кооперацию человечества» (Ibid., p. 692). И все же, даже если в конечном итоге он имел в виду «гомогенную кооперацию человечества», нет сомнений, что в краткосрочной перспективе он был готов принять напряженность в международных отношениях в качестве платы за внутреннее единство нации. Это явственно следует из следующей цитаты из речи Шмоллера (Schmoller, 1900b, p. 38):

«То же, что во времена Фредерика Великого значило приобретение Силезии, что для императора Вильгельма и Бисмарка значило основание Германского Рейха, то же будет значить для настоящего создание немецких военно-морских сил. Это выводит нас за пределы мелкого партийного деления, за пределы второстепенных повседневных нужд экономики, назад к единым действиям, к широкомасштабной немецкой национальной политике»³¹.

Действительно, в 1915 г. он (Schmoller [1915], 1920, p. 148) ценил объединяющий эффект войны, который превратил социал-демократов в настоящих патриотов, и надеялся, что война положит начало «абсолютно новой эпохе в общественном развитии Германии». Однако нельзя не отметить, что в целом рассуждения Шмоллера о войне оставались сдержанными и не несли оттенка шовинизма, так характерного для большинства его немецких современников (Lübbe, 1963, p. 219).

6. Заключение

После войны в рамках основного течения экономической мысли (мейнстрим) было достигнуто единодушие в вопросе о том, что Шмоллер не создал теории, а значит, его труды могут быть преданы забвению³². Этот факт, с нашей точки зрения, в значительной мере может быть объяснен тем, что между 1945 и 1989 гг. холодная война удерживала международную экономическую интеграцию в пределах одной половины земного шара, замедляя, таким образом, скорость общемирового экономического роста, и вследствие конкуренции между западным и социалистическим блоками приводя к появлению государства благосостояния, которое стабилизировало социальные отношения в рамках рыночных экономик. Шмоллер, напротив, жил во времена небывалой международной интеграции, которая особенно в Германии, с ее относительно отсталой экономикой

привела к стремительным институциональным изменениям, а следовательно, и к серьезной дестабилизации общественных отношений. Говоря кратко, неудивительно, что послевоенные экономисты, жившие в относительно «деглобализованном» и поэтому сравнительно нединамичном мире, не понимали Густава Шмоллера, теоретика глобализации, и не случайно, что его мысль пережила возрождение в конце 1980-х годов. Основной вопрос, волновавший его, а именно взаимосвязь между экономическим прогрессом, с одной стороны, и социальной и культурной сплоченностью общества — с другой, сегодня так же актуален, как и между 1870 и 1914 гг., — в тот период, когда Шмоллер написал большую часть своих работ.

Но лишь то, что вопросы, которые поставил Шмоллер, снова волнуют нас сегодня, конечно, не обязательно означает, что его ответы на них будут для нас так же убедительны. Бесспорно, что возникновение в наше время крупных торговых блоков и государственных союзов, которые занимают место национальных государств, хорошо вписывается в теорию Шмоллера об обобществлении, согласно которой в ходе истории мы наблюдаем постепенное расширение общественных объединений. Тем не менее мы считаем эту сторону наследия Шмоллера довольно неубедительной. По нашему мнению, большая часть экономистов поступает вполне благоразумно, подходя со значительной долей скептицизма к теориям, предполагающим раскрыть «законы» исторического развития. Кроме того, «история глобализации» оказывается открытым и незавершенным процессом, в котором этапы более сильной международной интеграции сменяются этапами с более слабой интеграцией.

Хотя Шмоллер разработал свою концепцию диалектического соотношения дифференциации и интеграции в тесной связи со своей теорией стадийного развития, нельзя сказать, что первая неизбежно логически вытекает из последней. Для Шмоллера процессы развития в своей основе берут начало от «низменных инстинктов», таких как эгоизм и погоня за выгодой. Хотя сами по себе они в долгосрочной перспективе являются источником обобществления, высвобождение рыночных сил ведет к социальной дифференциации, которая подрывает социальное единство внутри общества. Эпизоды экономического развития, которые тогда, как и теперь, как правило, порождались процессами глобализации, с необходимостью вызывали к жизни политически обусловленную «реинтеграцию», которая, в свою очередь, представляла собой предпосылку для дальнейшего процесса развития. Эти идеи Шмоллера предвосхитили основные принципы теории «двойного движения» Поланьи. Шмоллер предпринял попытку провести комплексное исследование институциональных изменений. И, несмотря на то, что ему не удалось в полной мере выполнить эту задачу, в контексте анализа современных процессов трансформации и глобализации его попытка все же имеет большое значение.

Теперь, как и прежде, глобализация не только ведет к значительному увеличению благосостояния, но и вызывает существенные негативные внешние эффекты. Политическая приемлемость этих внешних эффектов не в последнюю очередь зависит от той степени, в которой они могут быть преодолены. Сегодня экономисты, как никогда редко, привлекают внимание общественности. По нашему мнению, частично это вызвано тем, что они склонны игнорировать вопрос о политической, социальной и культурной «встроенности» (*embeddedness*) экономической деятельности. По отношению к проблемам глобализации и ее социальным последствиям неверно использовать чисто экономическую линию аргументации. Особенно отчетливо это проступало в критике Шмоллера, когда он призывал своих коллег отказаться от жесткого разграничения между

экономикой и другими сферами общественной жизни, и, напротив, сосредоточиться на анализе их взаимодействия. Эта потребность так же значима сегодня, как и тогда.

Размышления Шмоллера о военно-морской политике и колониализме относятся сегодня к тем аспектам его работы, которые современные агиографы предпочитают не вспоминать³³, и в самом деле — в современных оценках их зачастую элегантно обходят стороной. Конечно, с точки зрения истории экономической теории они не имеют такого уж большого значения. Но они становятся более ценными, если возникает задача лучше понять риски, связанные с современными процессами глобализации. Германия — это образцовый пример страны, агрессивность внешней политики которой не в последнюю очередь была обусловлена ее неадекватностью национальной интеграции. Эта скрытая внутренняя нестабильность была связана не только с тем фактом, что «запоздавшая в своем развитии нация» (*verspätete Nation*) (Plessner, 1959) не была конституирована до 1871 г., но также и с тем, что она прошла через социально дезинтегрирующий процесс догоняющего развития. В рассуждениях Шмоллера о военно-морской политике и колониализме можно видеть, как стремление к экономическому восхождению порождает взрывоопасную смесь. Такое стремление заставляет с готовностью отказаться от всего, что исходит от иностранных государств, надеяться на внутреннее объединение перед лицом внешней угрозы и тем самым вернуться к широкомасштабной немецкой национальной политике. Конечно, это один из наиболее изученных периодов немецкой истории, однако более скрупулезный анализ идей Шмоллера позволяет приблизиться к разгадке сложного вопроса, который не всегда оценивают по достоинству.

Наша окончательная оценка идей Шмоллера относительно глобализации двойственна. Как уже было сказано выше, самой значимой в наследии Шмоллера является, по нашему мнению, идея о диалектическом рассмотрении дифференциации и интеграции, а также связанная с этим необходимость отказаться от умозрительного разделения экономики и политики при анализе социальных процессов трансформации. Однако в то же самое время, возможно, именно это разделение как тип доаналитического мировоззрения, согласно Шумпетеру (Schumpeter [1954], 1967, p. 41–42), внесло немалый вклад в установление и принятие либеральной экономической и внешнеторговой политики между 1840–1880 гг. (Eucken, 1932, p. 302). Отказ от этих взглядов, которым имя Шмоллера, по крайней мере в Германии, может быть синонимом, в конечном счете способствовал упадку либеральной эпохи. Комплексное видение позволило Шмоллеру, с одной стороны, понять социальные проблемы того времени более реалистично и, с нашей точки зрения, лучше, чем его современники либералы. Тем не менее, с другой стороны, в своих суждениях он опирался на убеждение, что особенно во внешней торговле экономическое использование политической силы было не только «естественно», но и обязательно, если интересы нации находились под угрозой. В этой связи идеи Шмоллера относительно глобализации указывают не только на необходимость комплексного изучения, но в то же время и на существенные риски, которые могут быть с этим связаны.

References

- Abelshauer, W. (2001) Umbruch und Persistenz. Das deutsche Produktionsregime in historischer Perspektive, in: *Geschichte und Gesellschaft*, vol. 27, no. 4, pp. 503–523.
- Arndt, P. (1913) *Deutschlands Stellung in der Weltwirtschaft*, 2. Aufl., Leipzig: Teubner.
- Balabkins, N. W. (1987). Line by Line: Schmoller's Grundriss: Its meaning for the 1980s', in: *International Journal of Social Economics*, vol. 14, no. 1, pp. 22–31.

- Barkin, K. D. (1970) *The Controversy Over German Industrialization 1890–1902*. Chicago: University of Chicago Press.
- Beckmann, Ulf (2000) *Von Löwe bis Leontief: Pioniere der Konjunkturforschung am Kieler Institut für Weltwirtschaft*. Marburg: Metropolis.
- Borchardt, K. (2001) *Globalisierung in historischer Perspektive*. Bayerische Akademie der Wissenschaften, Philosophisch-historische Klasse, Sitzungsberichte. Jahrgang 2001, Heft 2.
- Brentano, L. (1901) *Die Schrecken des überwiegenden Industriestaats*. Berlin: Simion.
- Clark, Ian (1997) *Globalization and Fragmentation. International Relations in the Twentieth Century*. Oxford: Oxford University Press.
- Denzau, A. T., and North, D. C. (1994) *Shared Mental Models. Ideologies and Institutions*, in: *Kyklos*, vol. 47, no. 1, pp. 3–31.
- Dietzel, H. (1903) *The German Tariff Controversy*, in: *Quarterly Journal of Economics*, vol. 17, pp. 365–416.
- Dietzel, H. (1909) *Agrar- und Industriestaat*, in: *Handwörterbuch der Staatswissenschaften*, Jena: Gustav Fischer, 3rd ed., vol. 1, pp. 226–237.
- Düe, T. (2001) *Fortschritt und Werturteilsfreiheit: Entwicklungstheorien in der historischen Nationalökonomie des Kaiserreichs*. Electronic resource. University of Bielefeld: Fakultät für Geschichtswissenschaft und Philosophie.
- Eucken, W. (1932) *Staatliche Strukturwandlungen und die Krisis des Kapitalismus*, in: *Weltwirtschaftliches Archiv*, vol. 36, pp. 297–321.
- Gilpin, R. (2003) *The Nation-State in the Global Economy*, in: Held, David, and McGrew, Anthony (eds.), *The Global Transformation Reader. An Introduction to the Globalization Debate*, 2nd ed., Cambridge: Polity Press, pp. 349–358.
- Grimmer-Solem, E. (2003) *The Rise of Historical Economics and Social Reform in Germany 1864 – 1894*, Oxford: Clarendon Press.
- Grimmer-Solem, E. (2004) *Imperial Socialism of the Chair: Gustav Schmoller and German Weltpolitik, 1897–10-5*. In *Wilhelmism and its Legacies. German Modernities, Imperialism, and Meaning of Reform, 1890–1930*. Ed. by G. Eley and J. Retallack. Oxford & N. Y.: Berghahn books.
- Harada, T. (2004) *Adam Müllers Staats- und Wirtschaftslehre*. Marburg: Metropolis.
- Harnisch, H. (1994) *Agrarstaat oder Industriestaat. Die Debatte um die Bedeutung der Landwirtschaft in Wirtschaft und Gesellschaft Deutschlands an der Wende vom 19 zum 20. Jahrhundert*, in: Reif, Heinz (ed.) *Ostelbische Agrargesellschaft im Kaiserreich und in der Weimarer Republik. Agrarkrise – junkerliche Interessenpolitik – Modernisierungsstrategien*, Berlin: Akademie-Verlag, pp. 33–50.
- Held, D., et al. (1999) *Global Transformations. Politics, Economics and Culture*. Cambridge: Polity Press.
- Hettne, B. (2003) *Global Market versus the new Regionalism*, in: Held, David, and McGrew, Anthony (eds.). *The Global Transformation Reader. An Introduction to the Globalization Debate*, 2nd ed. Cambridge: Polity Press, pp. 359–369.
- Hirst, P., and Thompson, G. (1996) *Globalization in Question. The International Economy and the Possibilities of Governance*. Cambridge: Polity Press.
- Hodgson, G. M. (2001) *How Economics Forgot History. The Problem of Historical Specificity in Social Science*. London: Routledge.
- Hubatsch, W. ([1977] 1989) *Die Stein-Hardenbergschen Reformen*, 2nd ed. Darmstadt: Wissenschaftliche Buchgesellschaft.
- James, H. (2001) *The End of Globalization. Lessons from the Great Depression*. Cambridge, Mass.: Harvard University Press.
- Kasprzok, C. (2005) *Der Sozialökonom Heinrich Dietzel. Ein deutscher Klassiker*. Marburg: Metropolis.
- Kolonialpolitisches A. (ed.) (1907) *Die Eisenbahnen Afrikas: Grundlagen und Gesichtspunkte für eine koloniale Eisenbahnpolitik in Afrika. Nach der gleichnamigen amtlichen Denkschrift*. Berlin: Süsserott.
- List, F. ([1841] 1909) *The National System of Political Economy*. London: Longmans, Green and Co.

- Lübbe, H. (1963) *Politische Philosophie in Deutschland: Studien zu ihrer Geschichte*. Basel: Schwabe.
- Müller, A. ([1809] 1922) *Die Elemente der Staatskunst*, 2 vols. Jena: Gustav Fischer (reprint of the original edition).
- Oldenberg, K. (1897) Über Deutschland als Industriestaat, in: *Die Verhandlungen des achten Evangelisch-Sozialen Kongresses am 10 und 11. Juni 1897*, Göttingen: Vandenhoeck und Ruprecht, pp. 64–104.
- Osterhammel, J., Petersson N. P. *Geschichte der Globalisierung: Dimensionen, Prozesse, Epochen*. München: Beck, 2003.
- Perlman, M., and McCann, Ch. R. (1998) *The Pillars of Economic Understanding*, vol. 1: Ideas and Traditions. Ann Arbor, Michigan: University of Michigan Press.
- Peukert, H. (2001) The Schmoller Renaissance, in: *History of Political Economy*, vol. 33, no. 1, pp. 71–116.
- Plessner, H. (1959) *Die verspätete Nation. Über die politische Verführbarkeit bürgerlichen Geistes*, Stuttgart: Kohlhammer.
- Pohle, L. (1902) *Deutschland am Scheidewege. Betrachtungen über die gegenwärtige volkswirtschaftliche Verfassung und die zukünftige Handelspolitik Deutschlands*, Leipzig: Teubner.
- Polanyi, K. (1944) *The Great Transformation*. New York: Rinehart.
- Preiser, Erich (1970) *Politische Ökonomie im 20. Jahrhundert, Probleme und Gestalten*. München: Beck.
- Priddat, B. P. (1998) Theoriesgeschichte oder Theoriesgeschichten? Über den Status der ökonomischen Dogmengeschichte, in: *Jahrbücher für Nationalökonomie und Statistik*, vol. 217, no. 4, pp. 483–498.
- Prisching M. *Schmollers Gesellschaftstheorie*. In J. G. Backhouse (ed.) *Gustav von Schmoller und die Probleme von heute*. Berlin: Duncker & Humblot. 1993.
- Rentzsch, H. (1870) *Industrie*, in: *Handwörterbuch der Volkswirtschaftslehre*, Leipzig: Klinkhardt, pp. 486–490.
- Rieter, H. (2002) *Historische Schulen*, in: Issing, Otmar (ed.), *Geschichte der Nationalökonomie*, München: Vahlen, pp. 131–168.
- Sandel, M. J. (1996) *Democracy's Discontent. America in Search of a Public Philosophy* Cambridge, Mass.: Harvard University Press.
- Scharpf, F. (2003) *Globalization and the Political Economy of Capitalist Democracies*, in: Held, David, and McGrew, Anthony (eds.). *The Global Transformation Reader. An Introduction to the Globalization Debate*, 2nd ed. Cambridge: Polity Press, pp. 370–378.
- Schefold, B. (1989) *Schmoller als Theoretiker*, in: Recktenwaldt, Horst C. (ed.), *Vademecum zu einem Klassiker der historischen Methode in der ökonomischen Wissenschaft*, Düsseldorf: Verlag Wirtschaft und Finanzen, pp. 77–103.
- Schmoller (1864/1865) 1888. *Zur Litteraturgeschichte der Staats- und Sozialwissenschaften*, Leipzig.
- Schmoller, G. ([1874] 1998) *Die sociale Frage und der preußische Staat*, in: *Gustav Schmoller: Historisch-ethische Nationalökonomie als Kulturwissenschaft. Ausgewählte methodologische Schriften*, edited by Heino H. Nau, Marburg: Metropolis, pp. 75–96.
- Schmoller, G. ([1881] 1998) *Ueber Zwecke und Ziele des Jahrbuchs*, in: *Gustav Schmoller: Historisch-ethische Nationalökonomie als Kulturwissenschaft. Ausgewählte methodologische Schriften*, edited by Heino H. Nau, Marburg: Metropolis, pp. 97–114.
- Schmoller, G. (1884–1887) *Studien über die wirtschaftliche Politik Friedrichs des Großen und Preußens überhaupt von 1680 bis 1786*, part 1, in: *Jahrbuch für Gesetzgebung, Verwaltung und Volkswirtschaft im Deutschen Reich*, vol. 8 (1884), pp. 1–61, 345–421, 999–1091; part 2, in: vol. 10 (1886), pp. 1–45, 327–373, 675–727; part 3, in: vol. 11 (1887), pp. 1–58, 789–883.
- Schmoller, G. (1888) *Zur Litteraturgeschichte der Staats- und Sozialwissenschaften*. Leipzig: Dunker & Humblot.
- Schmoller, G. ([1897a] 1989) *The Mercantile System and its Historical Significance*. Reprinted edition. Fairfield, NJ: Kelley.

Schmoller, G. ([1897b] 1920) Zur 25 jährigen Feier des Vereins für Sozialpolitik. Eröffnungsrede bei der Generalversammlung am 23. September 1897 in Köln a. Rh., in: Schmoller, G. Zwanzig Jahre deutscher Politik. München und Leipzig: Duncker & Humblot, pp. 23–34.

Schmoller, G. ([1900/1904] 1919) Grundriß der allgemeinen Volkswirtschaftslehre, 2 vols. Berlin: Duncker & Humblot.

Schmoller, G. (1900a) Die Wandlungen in der europäischen Handelspolitik des 19. Jahrhunderts, in: Jahrbuch für Gesetzgebung, Verwaltung und Volkswirtschaft im Deutschen Reich, vol. 24, pp. 373–382.

Schmoller, G. (1900b) Die wirtschaftliche Zukunft Deutschlands und die Flottenvorlage, in: Schmoller, Gustav; Sering, Max; and Wagner, Adolph (eds.): Handels- und Machtpolitik. Reden und Aufsätze im Auftrage der «Freien Vereinigung für Flottenvorträge», 2 vols. Stuttgart: Cotta, vol. 1, pp. 1–38.

Schmoller, G. (1901a) Debattenbeitrag, in: Verhandlungen des Vereins für Socialpolitik über die Wohnungsfrage und die Handelspolitik. Leipzig: Duncker & Humblot, pp. 264–271.

Schmoller, G. (1901b), Rezension zu Brentano, L., Die Schrecken des überwiegenden Industriestaates... [and further works on this topic], in: Jahrbuch für Gesetzgebung, Verwaltung und Volkswirtschaft im Deutschen Reich, vol. 24, pp. 1605–1610.

Schmoller, G. ([1911] 1998) Die Volkswirtschaft, die Volkswirtschaftslehre und – methode, in: Gustav Schmoller: Historisch-ethische Nationalökonomie als Kulturwissenschaft. Ausgewählte methodologische Schriften, edited by Heinrich H. Nau. Marburg: Metropolis, pp. 215–368.

Schmoller, Gustav ([1913] 1920) Krieg oder Frieden? in: Schmoller, Gustav: 20 Jahre deutscher Politik. München und Leipzig: Duncker & Humblot, pp. 113–126.

Schmoller G. ([1915] 1920) Der Weltkrieg und die deutsche Sozialdemokratie, in: Schmoller, Gustav: 20 Jahre deutscher Politik. München und Leipzig: Duncker & Humblot, pp. 145–155.

Schmoller, G. ([1916] 1920) Die Handels- und Zollannäherung Mitteleuropas, in: Schmoller, Gustav: 20 Jahre deutscher Politik. München und Leipzig: Duncker & Humblot, pp. 157–176.

Schneider, E. (1962) Einführung in die Wirtschaftstheorie, Ausgewählte Kapitel der Geschichte der Wirtschaftstheorie, 4th part, vol. 1. Tübingen: Mohr (Siebeck).

Schumpeter, J. A. ([1954] 1967) History of Economic Analysis. London: George Allen & Unwin.

Seabright, P. (2004) The Company of Strangers. A Natural History of Economic Life. Princeton, NJ: Princeton University Press.

Sering, M. (1906) Agrar- und Industriestaat, in: Wörterbuch der Volkswirtschaft, 2nd ed. Jena: Gustav Fischer, vol. 1, pp. 45–50.

Simmel G. (1908) Soziologie. Untersuchungen über die Formen der Vergesellschaftung, Leipzig.

Spree, R. (2003) Globalisierungs-Diskurse – gestern und heute, in: Jahrbuch für Wirtschaftsge-
schichte, 2003/2, pp. 35–56.

Stolper, G., et al. (1964) Deutsche Wirtschaft seit 1870. Tübingen: Mohr (Siebeck).

Strange, S. (1996) The Retreat of the State. The Diffusion of Power in the World Economy. Cambridge: Cambridge University Press.

Tenbruck, F. (1989). Gesellschaftsgeschichte oder Weltgeschichte, in: Kölner Zeitschrift für Sozio-
logie und Sozialpsychologie, vol. 41, no. 3, pp. 417–439.

Tonnies F. (1887) 1963: Community and Society, New York.

Verein für Socialpolitik (1902) Verhandlungen des Vereins für Socialpolitik über die Wohnungsfrage und die Handelspolitik. Verhandlungen der Generalversammlung in München, 23, 24 und 25. Sep-
tember 1901. Leipzig: Duncker & Humblot.

Wagner, Adolph (1901) Agrar- und Industriestaat. Eine Auseinandersetzung mit den Nationalso-
zialen und mit Professor L. Brentano über die Kehrseite des Industriestaats und zur Rechtfertigung
agrarisches Zollschatzes. Jena: Gustav Fischer.

Weber M. (1895) 2005. Der Nationalstaat und die Volkswirtschaftspolitik, in: Max-Weber-Gesamt-
ausgabe, vol. j, Tübingen, p. 545–574.

Weber, M. (1897) Zum Vortrag von Karl Oldenberg: über Deutschland als Industriestaat, in: Die
Verhandlungen des Achten Evangelisch-sozialen Kongresses, abgehalten zu Leipzig am 10 und 11. Juni
1897. Göttingen: Vandenhoeck & Ruprecht, pp. 105–113.

Weber M. Economy and society: an outline of interpretive sociology. Vol. 1. Berkeley: Univ. of California Press, 1978.

Weber M. Economy and society: an outline of interpretive sociology. Vol. 1. Berkeley: Univ. of California Press, 1978.

Williamson, J. G. (1997) Globalization and Inequality. Past and Present, in: The World Bank Research Observer, 12, 2 (August), pp. 117–135.

Wulf, A. (1968) Deutscher Flottenverein (DFV) 1898 – 1934 (1919 – 1931 Deutscher Seeverein), in: Die bürgerlichen Parteien in Deutschland. Handbuch der Geschichte der bürgerlichen Parteien und anderer bürgerlicher Interessenorganisationen vom Vormärz bis zum Jahre 1945. Band I. Berlin (Ost): das europäische buch, pp. 432–449.

Zweynert, J. (2007) Conflicting patterns of thought in the Russian debate on transition: 1992–2002, in: Europe Asia studies. Abingdon: Routledge. Bd. 59. 2007, 1 (Jan.), S. 47–69.

¹ Самый известный анализ исторического аспекта процесса глобализации можно найти в книге Пола Херста и Грехема Томпсона «Глобализация под вопросом» (Hirst and Thompson, 1996, p. 31). Авторы делают следующий вывод: «Объемы международной торговли и движения капитала, как между самими стремительно индустриализирующимися экономиками, так и между их различными колониальными территориями, имели большее значение относительно показателей ВВП перед Первой мировой войной, чем они, вероятно, имеют сегодня». Эту точку зрения разделяют и другие авторы (см., напр.: Zevin, 1992, p. 51–52; Gilpin, 2003, p. 350).

² Согласно общепринятой классификации, предложенной Дэвидом Хелдом и его соавторами, внутри корпуса литературы о глобализации можно выделить три группы авторов: *гиперглобалисты*, утверждающие, что «глобализация определяет новую эпоху в истории человечества» (Held et al., 1999, p. 3); *скептики*, заявляющие, что «современные уровни экономической взаимозависимости отнюдь не являются исторически беспрецедентными» (Ibid., p. 5); сторонники «трансформационалистского тезиса», которые придерживаются середины. С одной стороны, они согласны с гиперглобалистами в том, что «современные процессы глобализации не имели прецедентов в истории; так, правительства и общества всего земного шара вынуждены приспосабливаться к миру, в котором нет больше четких различий между международными и отечественными, внешними и внутренними делами. С другой стороны, они соглашались со скептиками, что глобализация — это не предопределенный процесс, и, следовательно, его будущее нам неизвестно (Ibid., 1999, p. 7).

³ Основная идея тезиса о «двойном движении», который представлен в главном труде К. Поланьи «Великая трансформация» (Polanyi, 1944), состоит в том, что XIX в. был отмечен переменными периодами расширения рынка и попытками ограничить рынок политическими средствами. Противонаправленное движение было важно, утверждал он, потому что нерегулируемый рынок угрожал единству общества, которое соответственно должно было найти средства «защитить» себя от его разрушительного влияния.

⁴ Мы согласны с Биргером Приддатом (Priddat, 1998) в том, что существуют «истории», а не «история» экономической мысли, ввиду того, что, с нашей точки зрения, история возникает из вопросов и проблем, с которыми ученый обращается к прошлому. Таким образом, различные подходы и вопросы приводят к возникновению различных историй.

⁵ Бернхард Хармс (1876–1939) признан основоположником особой теории *Weltwirtschaftslehre* (теории мировой экономики). Воспитанный в традициях младоисторической школы, в книге «Национальная экономика и мировая экономика» (*Volkswirtschaft und Weltwirtschaft*), опубликованной в 1912 г., Хармс отказался от исторического подхода, а именно от теории стадий в экономическом развитии, которая была такой характерной для Шмоллера и его учеников. В 1914 г. Хармс был назначен первым директором Института морских сообщений и мировой экономики (*Institut für Seeverkehr und Weltwirtschaft*) – института, который, по словам самого Хармса, должен был «служить свидетельством возросшего значения Германии в мировой экономике и политике в правление кайзера Вильгельма II». В 1913 г. Хармс основал первый в Германии специальный журнал, посвященный в первую очередь проблемам глобализации, – *Weltwirtschaftliches Archiv* (см.: Beckmann, 2000, p. 19–23).

⁶ В социологический дискурс понятие «*Vergesellschaftung*» впервые было введено Фердинандом Теннисом в его главной работе «Общность и общество» ([1887], 1963). Опираясь на Тенниса, Макс Вебер в работе «Экономика и общество» (Weber [1922], 1978, vol. 1, p. 40–41) представил определение, которое и сегодня остается наиболее употребляемым: «Социальное отношение называется “обобществленным” (*Vergesellschaftung*), если и поскольку настроенность социального действия основывается на рационально мотивированном уравнивании интересов или на подобном же образом мотивированном соглашении, будь рациональные суждения основаны на абсолютных ценностях или на соображениях выгоды». Понимание Шмоллера совпадает с позицией Зиммеля. В книге «Социология. Наука о формах обобществления» (1908) Зиммель понимал под этим

термином любое взаимодействие индивидов, которое делает возможным социальное единство. Концепция Шмоллера отличается от аналогичных концепций Вебера и Зиммеля тем, что он уделял больше внимания развитию, *процессу* обобществления (*Vergesellschaftung*). Ясно, что он был подвержен влиянию Герберта Спенсера, к которому он прямо отсылает, описывая связь между разделением труда и *Vergesellschaftung* (Schmoller, [1900/1904] 1919, vol. 1, p. 393).

⁷ Следовательно, современный «Ренессанс Шмоллера» (Peukert, 2001) мы также воспринимаем со смешанными чувствами.

⁸ Этот термин в последнее время стал популярным благодаря Полу Сибрайту и его знаменитой книге «Компания чужаков» (Seabright, 2004, p. 15). Под термином «tunnel vision» он понимает «способность участвовать в сложном деле умножения благосостояния современного общества без знания и заботы об общих последствиях». Это понятие верно отражает и современное развитие социальных наук. Как показывает даже беглый взгляд на любой академический журнал, относящийся к экономическому мейнстриму, для того чтобы считаться хорошим экономистом, не надо много знать или даже заботиться о конечных результатах исследования.

⁹ Несмотря на то, что немецкая промышленность начиная с середины XIX в. развивалась с ошеломляющей скоростью, в преддверии Первой мировой войны Германия без оговорок еще не могла быть классифицирована как индустриальная страна — в 1907 г. все еще 34% населения были заняты в сельскохозяйственном секторе (Stolper, 1964, p. 28).

¹⁰ Как показал в поучительной статье Джеффри Уильямсон, общая для конца XIX и конца XX в. особенность процесса глобализации состоит в том, что она привела к росту неравенства в богатых странах и уменьшению неравенства в странах бедных (Williamson, 1997).

¹¹ Гарольд Джеймс идет еще дальше. Он утверждает, что «национальное государство, каким мы его знаем, — это ответ на вызов первой волны глобализации» (James, 2001, p. 13). Образцовой работой на тему связи между возвышением исторической школы и обеспечением социальной реформы в Германии является работа Гриммера-Солема (Grimmer-Solem, 2003).

¹² Из всех немецких экономистов того времени наиболее ясно сформулировал проблему взаимоотношений между государством и мировой экономикой Макс Вебер в лекции «Национальное государство и экономическая политика» (*Der Nationalstaat und die Volkswirtschaftspolitik*) (1895). Он прочертил четкую линию между экономической теорией, которая должна быть интернациональной, и экономической политикой, которая должна руководствоваться потребностями государства: «Экономическая теория как объясняющая и аналитическая наука *интернациональна*, но как только она переходит к *оценочным суждениям*, то неизбежно ограничивается выражением того человеческого начала, которое мы находим в самих себе ... Экономическая политика Германского государства, так же как и стандартные суждения немецких экономистов-теоретиков, могут, следовательно, быть только немецкими» (Weber [1895], 2005, p. 559–560).

¹³ В год, который знаменует собой конец «холодной войны», немецкий социолог Фридрих Тенбрук (Tenbruck, 1989) опубликовал заставляющее задуматься эссе, в котором он резко осудил «национальную» направленность многих ученых социологов и противопоставил им универсализм классической социологии. Его критика тогда не нашла отклика. Однако, как показывает цитата, приведенная выше, в ходе споров о глобализации многие авторы осознают наличие этой проблемы.

¹⁴ О возникновении разрыва между экономикой и социологией в послевоенный период см.: Hodgson, 2001, p. 195–197.

¹⁵ Николас Балабинкс справедливо отметил, что Шмоллер, с его интеграционным взглядом на экономику, тесно связан с немецкой традицией, которая отлична от англосаксонской, склоняющейся к тому, чтобы расшатывать экономику изолированно (Balabkins, 1987).

¹⁶ Как точно излагает это Манфред Пришинг: «Успешность реформ зависит, согласно Шмоллеру, от того, насколько расширение государственной власти происходит одновременно с дифференциацией общества, т. е. с разделением труда и формированием классов» (Prisching, 1993, p. 212).

¹⁷ Впервые Шмоллер детально изложил свою теорию развития в книге «Исследования экономической политики Фридриха Великого и в частности Пруссии с 1680 по 1786 г.», которая публиковалась с 1884 по 1887 г.

¹⁸ Этот термин был введен в экономическую теорию Дугласом Нортон и Артуром Дэнцау в их совместной статье «Мыслительные конструкции: идеологии и институты» (Denzau and North, 1994).

¹⁹ Чтобы избежать недопонимания, поясним, что, утверждая это, мы не хотим приводить дополнительные аргументы в защиту материалистического понимания истории. Напротив, мы думаем, что недоверие, с которым широкие слои немецкой элиты встретили рыночную экономику, было вызвано в том числе специфической немецкой интеллектуальной и культурной традицией. Однако, несмотря на то, что мы убеждены — для понимания немецкого антикапитализма необходимо принять во внимание особые черты немецкой нации, — углубиться в этот вопрос в настоящей работе не представляется возможным.

²⁰ О значении трудов Мюллера для программы по изучению экономической истории см. книгу Ритера (Rieter, 2002, p. 138–139); также заслуживает внимания работа Харада (Harada, 2004) о его экономических идеях.

²¹ Мы представляем эти взгляды в неизбежно сокращенном виде. Для более детального и разнообразного рассмотрения см. работы Баркина (Barkin, 1970, Ch. 4, 5), Харниша (Harnish, 1994) и Каспрцока (Kasprzok, 2005, 312–328, 380–384). В 1903 г. Генрих Дайтцель, либеральный участник дискуссии, специально для иностранных читателей подготовил обзор на английском языке.

²² Источником, дающим наиболее точное представление об этой дискуссии, все еще остается исследование Баркина (Barkin, 1970). Для краткой справки см. работу Харниша (Harnish, 1994).

²³ Здесь Шмоллер не выражает собственные взгляды, а описывает точку зрения оппонентов индустриализации. Интересно, что та же проблема активно обсуждается в дискуссии об «экономической безопасности», происходящей в настоящее время в России – стране, которая только недавно снова начала интегрироваться в мировую экономику. Для краткого знакомства с этой дискуссией см. работу Цвайнерта (Zweynert, 2007).

²⁴ К примеру, в своей главной работе, посвященной этому вопросу, Вагнер осудил появление «торгового духа», который, по его мнению, неизбежно сопутствовал промышленному развитию: «Торговый дух, идея торговли, торговые интересы скоро вознесутся над всем. Как мы уже видим это сегодня, этот дух все больше проникает во все слои общества, что проявляется в вовлечении в игру на бирже частных лиц, в торговле собственностью в городах, в постепенном включении в эту сферу привлекательных “красивых мест” для туризма и летних каникул в горах или на побережье» (Wagner, 1901, p. 35). Он неоднократно противопоставлял этот торговый дух идеалу «служения» (*commitment*) сельского населения.

²⁵ Вторым на повестке дня стоял жилищный вопрос.

²⁶ Кроме уже упоминавшихся публикаций, свою лепту в дискуссию внесли: Поль (Pohle, 1902), Дитцель (Dietzel, 1903; 1909) и Серинг (Serling, 1906).

²⁷ В «Основах...» он доказывал, что «национальным интересам более соответствует поддержка разделения труда внутри страны, которого зачастую еще не существует, но которое, в отличие от международного разделения труда, естественно и политически желательно. Чем больше становятся страны, тем чаще эта поддержка остается несовершенной, несмотря на то, что это необходимое условие обеспечения сильного внутреннего единства государства» (Schmoller [1900/1904], 1919, vol. 2, p. 237).

²⁸ Он прочитал эту лекцию в Свободном объединении для чтения лекций по военно-морскому делу (*Freie Vereinigung für Flottenvorträge*). В предисловии издательства к двухтомному собранию «Торговая политика и политика с позиции силы» (*Handels- und Machtpolitik*) под редакцией Шмоллера, Макса Серинга и Адольфа Вагнера говорится следующее: «Когда был опубликован законопроект об усилении военно-морского флота, который теперь представлен немецкому рейхстагу, многие писатели, художники, ученые со всех концов страны создали “Свободное объединение для чтения лекций по военно-морскому делу”; они хотели доказать в своих речах и произведениях их общую убежденность в том, что стремительное усиление наших военно-морских сил необходимо для того, чтобы закрепить для немецкого народа те позиции в политике и экономике, которые уже были достигнуты, создать условия для будущего развития и сохранения национальной независимости» (анонимный автор, 1900, p. V–VI). О создании *Freie Vereinigung für Flottenvorträge* см. работу Вульфа (Wulf, 1968, p. 436–437).

²⁹ Понимание мировой торговли и мировой экономики как определенной стадии мирной и ожесточенной конкуренции государств не было в то время характерно для экономистов историков. Например, в Экономическом словаре (*Handwörterbuch der Volkswirtschaftslehre*), ратовавшем за свободную торговлю, в 1870 г. в словарной статье «промышленность» мы находим: «На мировом рынке сражение выигрывает та нация, которая окажется в состоянии запрашивать наименьший доход за определенные потребительские товары» (Rentzsch, 1870, p. 488). Следующее утверждение вышеупомянутого Бернарда Хармса, противника историзма, который с 1909 г. вновь четко показывает, что именно возрастающая интернационализация немецкой экономики привлекла внимание немецких экономистов к проблеме государства: «Мировая история демонстрирует нескончаемую борьбу наций за место под солнцем; в особенности в нашу эпоху с ее... экономическими империалистическими тенденциями снова встает вопрос о том, что хотя на Земле всем найдется место, *восхождение наций к высшим формам существования обусловлено победой в конкурентной борьбе*. Эта борьба, однако, требует того, чтобы *вся политика государства проводилась исходя из национальных интересов, вне зависимости от последствий*» (цит. по: Beckmann, 2000, p. 25).

³⁰ Шмоллер сыграл решающую роль не только в Свободном объединении для чтения лекций по военно-морскому делу. Он также был главой совета Комитета по колониальной политике (*Kolonialpolitisches Aktionskomitee*). В предисловии к меморандуму, опубликованному Комитетом, говорится: «Как свободное объединение независимых, прославленных представителей науки, искусств и либеральных профессий, не находящихся под влиянием конкретных интересов в вопросе колонизации, Комитет колониальной политики может рассматриваться как орган, вполне способный внести свой вклад в решение этого вопроса, который одинаково важен для государства как с политической, так и с экономической точек зрения». Главная задача Комитета заключалась в том, чтобы «разбудить интерес и осознание государственной важности наших колоний в наиболее широких слоях нашей нации...» (Kolonialpolitisches Aktionskomitee, 1907, p. VII–VIII).

³¹ Принимая во внимание эту цитату, мы вынуждены не согласиться с Эриком Гриммер-Содем, который в своей последней статье «Империалистический социализм профессора. Густав Шмоллер и немецкая мировая

политика, 1897–1905» (Grimmer-Solem, 2004, p. 119) предпринял попытку показать, что «существует удивительное отсутствие какого-либо обсуждения того, как военно-морской флот и немецкая мировая политика (*Weltpolitik*) могли бы способствовать проведению социальной политики или принести определенные социальные или политические выгоды немецкому народу». По нашему мнению, суждения Гриммер-Солема основаны на слишком узком понимании социальной политики. Для Шмоллера основной задачей социальной политики была поддержка внутреннего единства нации, и совершенно ясно, что он ожидал, что немецкая мировая политика будет способствовать достижению этого.

³² Согласно мнению ведущих немецких экономистов 1950-х и 1960-х годов, историческая школа «частенько попросту порола чепуху» (Preiser, 1970, p. 215) и «пагубно повлияла на экономическую теорию, вырвав ее на более чем три десятилетия из общего потока теоретической мысли того времени, которая заметно развивалась во всем мире» (Schneider, 1962, p. 295). Соответственно в 1964 г. Юрген Кемпски (Jürgen Kempfski) признал Шмоллера также «ни на что не годным» (цит. по: Peukert, 2001, p. 72).

³³ Схожую ситуацию можно наблюдать в отношении Макса Вебера, который не только поддержал создание флота (Weber, 1897b, 2005), но также в своей вышеупомянутой лекции 1895 г. выступил в поддержку немецкой внешней политики с позиции силы (*deutsche Weltmachtpolitik*) (Weber [1895], 2005, p. 571).

Статья поступила в редакцию 20 июня 2007 г.